

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ В «МЯГКОЙ СИЛЕ» США, КИТАЯ И ЕС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Екатерина Андреевна Антюхова

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 13 июля 2018 <i>Принята к печати:</i> 15 января 2019	Аннотация: «Мягкая сила» в последние десятилетия является неотъемлемой частью внешнеполитического арсенала целого ряда государств. Включая в себя различный инструментарий, «мягкая сила» в качестве одного из наиболее эффективных инструментов, применяемых для достижения поставленных целей, включает в себя образование. Еще в период холодной войны Запад и Советский Союз активно использовали образование для подготовки в третьих странах кадров, полностью разделяющих ценности той или иной стороны. В условиях многополярного мира ситуация несколько изменилась: теперь все крупные государства, а также их объединения стремятся задействовать образование в качестве средства влияния и воздействия на своих контрагентов. В статье на примере США, Китая и Европейского союза рассматриваются и анализируются механизмы, используемые акторами при проведении политики «мягкой силы» через образование. Как показал проведенный в статье анализ, и США, и Китай, и ЕС на сегодняшний день активно используют образование для достижения своих внешнеполитических целей. При этом сама их образовательная политика, направленная вовне, имеет значительные различия. В результате мы можем говорить о трех разных моделях использования образования в качестве инструмента «мягкой силы». Каждая из них имеет свои отличительные черты, связанные, прежде всего, с конкретными механизмами использования образования, а также с содержанием образовательной политики и ее смысло-идеологическим наполнением. Тем не менее, несмотря на серьезные различия, можно уверенно говорить о том, что все три рассмотренные в статье субъекта международных отношений крайне успешно используют образование, часто добиваясь позитивного для себя эффекта в регионах своих национальных интересов.
Об авторе: к.полит.н., старший преподаватель, кафедра сравнительной политологии, МГИМО МИД России e-mail: e.antyukhova@gmail.com	
Ключевые слова: мягкая сила; образование; образовательная политика; США; Китай; Европейский Союз; программы обмена; образовательные фонды	

В современном мире образование играет двоякую роль. С одной стороны, оно продолжает выступать в качестве традиционного института передачи знаний. С другой же – оно становится сильнейшим средством идеологического воздействия. Можно с уверенностью говорить, что все развитые (и развивающиеся) государства мира рассматривают сегодня образование, в том числе, и в качестве эффективного инструмента по достижению своих внешнеполитических целей. И в этом аспекте образование становится элементом того, что принято называть в актуальном политическом и политологическом дискурсе «мягкой силой». Таким образом, представляется крайне важным

проанализировать, как сегодня используют образование в качестве инструмента «мягкой силы» крупнейшие международные акторы, претендующие на ведущие роли в мировой политике, – США, Китай и Европейский союз.

США

США уже не первое десятилетие используют механизм образования для распространения своего влияния в мире. И, как представляется, в том числе и этот фактор, наравне с фактором военного лидерства является причиной нынешнего лидерства Соединенных Штатов на мировой арене. В связи с этим крайне важно проанализировать стратегические на-

правления развития образования в США в контексте использования его в качестве «мягкой силы», а также выявить конкретные механизмы, которые позволяют этому государству достигать максимально эффективных результатов от этого использования.

По мнению ряда отечественных специалистов, образовательная политика США в мире сегодня может считаться одной из самых успешных. Так, Г.Ю. Филимонов пишет: «Благодаря своему планетарному охвату образовательная политика Соединённых Штатов превратилась в действенный метод «мягкой силы», позволяющий формировать мировую политическую, экономическую, интеллектуальную и военную элиту, верную догмам либеральной демократии и рыночной экономики по-американски»¹. При этом, как уточняет Э.И. Усачева, «считается, что элита, подготовленная с помощью данных образовательных программ, будет влиять на политику своей (демократической) страны, делая ее более выгодной для США, в то время как выходцы из «недемократических» стран будут подготовлены как новые оппозиционные лидеры и активисты»².

Как отмечает сам автор концепции «мягкой силы» Дж. Най, такие страны, как США, прекрасно осведомлены о том, что образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой политической арене³. Кроме этого, по мнению Дж. Най, колледжи и университеты могут помочь повысить уровень обсуждения и продвижения

американской внешней политики⁴. В результате, в своих работах Дж. Най утверждает, что основными активами США в деле усиления и расширения «мягкой силы» являются два инструмента, напрямую связанных с образованием: международные программы обмена и фактор привлекательности американского высшего образования.

Серьезным инструментом «мягкой силы» США, безусловно, являются образовательные программы, которые это государство реализует по всему миру. Как отмечал бывший госсекретарь США Дж. Шульц, образовательную политику можно сравнить с «садоводством», потому что в ходе ее реализации в «почву», то есть в «сознание иностранной аудитории» вбрасываются «семена идей и идеалов», «эстетических и политических ориентиров»⁵.

Основная часть американских программ образовательного обмена реализуется на основе закона Фулбрайта-Хейси (*Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961*)⁶. По мнению П. Макгилл Петерсон, Программа Фулбрайта, спонсируемая государственным Департаментом США, представляет собой отличный пример публичной дипломатии, продвигаемой через высшее образование. Его главная цель – способствовать взаимопониманию между людьми и нациями, и эта программа всегда была «смесью правительства и людей, порожденной «мягкой силой». Программа сегодня претендует на крупнейшее движение студентов и ученых по всему миру, которую какая-либо страна когда-либо спонсировала. Правительственные чиновники часто называют ее одним из величайших дипломатических активов Соединенных Штатов»⁷.

¹ Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – М.: РУДН, 2012. – С. 143. [Filimonov, G.Yu. Kul'turno-informacionny'e mexanizmy' vneshnej politiki SShA. Istoki i novaya real'nost' (Cultural and Informational Mechanisms of US Foreign Policy. Origins and New Reality): monografiya. Moscow: RUDN, 2012. P. 143.]

² Усачева Э.И. «Мягкая сила» во внешней политике США на современном этапе. – М. 2016. – С. 11. [Usacheva, E' I. «Myagka sila» vo vneshnej politike SShA na sovremennom e'tape ("Soft Power" in US Foreign Policy at the Present Stage). Moscow. 2016. P. 11.]

³ Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

⁴ Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

⁵ Schultz, G. Diplomacy in the Information Age / Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

⁶ Public Law 87-256: United States Code. Title 22. Chapter 33. Mutual Educational and Cultural Exchange Program.

⁷ McGill Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Следует отметить, что кроме Программы Фулбрайта в США действует и еще целый ряд подобных программ, самыми известными и значимыми из которых являются: *Benjamin Franklin Transatlantic Fellows Summer Institute Program*, *Hubert H. Humphrey Program*, *Edmund S. Muskie Programme*, *Future Leaders Exchange*, *Global UGRAD Program* и ряд других. Данные программы имеют различную направленность и предназначены для разных категорий обучающихся и разных регионов.

Согласно отчету «открытые двери», проекту, разработанному и осуществляемому Институтом Международного образования совместно с Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США и Бюро переписи населения США, в 2013-2014 учебном году в высших учебных заведениях США насчитывалось 886 052 иностранных студента, что на 8,1% больше, чем в предыдущем году. Это было 62% по сравнению с 547,867 учащимися в 2000-2001 учебном году⁸. Отметим, что рост зарубежных студентов в США является отчетливой тенденцией в последние годы. Согласно данным Института Международного образования, в американских вузах в 2010 г. обучалось 671 616 иностранных студентов, что было на 8% выше, чем годом ранее⁹.

По мнению Л. Савина, если говорить об американской «мягкой силе», то образование, в данном случае, – это не только система колледжей, институтов и университетов, где готовится американская молодежь, но и государственные программы для иностранных студентов, обучение и подготовка американских граждан за рубежом, выделение грантов через гражданское общество, массовое распространение американских образовательных и исследовательских центров в других странах, а также межведом-

ственная координация правоохранительных органов¹⁰.

Как отмечает О.А. Фролова, «говоря о госинститутах, которые непосредственно формируют и занимаются проведением политики «мягкой силы», стоит, в первую очередь, упомянуть Бюро по делам образования и культуры, которое расположено в структуре Госдепартамента США»¹¹. Бюро по делам культуры и образования отвечает за «масштабную программу культурных обменов в США в Отделе по публичным делам и стратегической коммуникации. Сотрудники Бюро поддерживают сайт Госдепартамента США *Exchanges Connect*¹², предназначенный для налаживания связей между потенциальными участниками программ обмена (американскими или иностранными гражданами) и выпускниками данных программ¹³.

Следует отметить, что огромную роль в реализации международных образовательных программ США играют на сегодняшний день частные фонды и институты. Так, как пишет Л. Бу, частный сектор, который еще в довоенные годы (до Второй мировой войны) находился на передовой линии в процессе налаживания межкультурных ком-

¹⁰ Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

¹¹ Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 51. [Frolova, O.A. «Myagkaya sila» vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti SShA: instituty i mexanizmy formirovaniya ("Soft power" of US Foreign Policy: Institutions and Mechanisms of Formation) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2013, No. 3, p. 51.]

¹² Mode of access: <https://exchanges.state.gov/non-us/connect>

¹³ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИ-геосистем, 2012. – С. 48. [Smirnov, A.I.; Kohtyulina, I.N. Global'naya bezopasnost' i «myagkaya sila 2.0»: vy'zovy i vozmozhnosti dlya Rossii (Global Security and Soft Power 2.0: Challenges and Opportunities for Russia). Moscow: VNIIGEosistem, 2012.]

⁸ Open Doors Report on International Educational Exchange. Open Doors Report. Highlights. Social Media Toolkit, 2016.

⁹ Cooper, R. KInternational Influx / Portfolio.com, 18 January 2010. Mode of access: <http://www.portfolio.com/businessnews/2010/01/18/american-colleges-and-universities-are-destination-of-choicefor-ambitious-international-students/index.html>

муникаций между Соединенными Штатами и другими странами, в 1980-1990-е гг. вновь вернул свой статус и стал активно использоваться Белым домом. Обладая «уникальной ролью в обществе», многочисленные фонды и частные высшие учебные заведения «стали незаменимыми поставщиками многочисленных программ обмена»¹⁴. Среди наиболее известных американских фондов, которые действуют в том числе на постсоветском пространстве следует выделить: «*American Association Of University Woman Educational Foundation*», который обеспечивает финансовую поддержку женщин с высшим образованием и ученой степенью, занимается предоставлением грантов и стипендий, организует различные научно-образовательные мероприятия, такие как круглые столы, форумы и симпозиумы¹⁵; «*Bill and Melinda Gates Foundation*», реализующий различные образовательные программы и дающий образовательные гранты¹⁶; Институт Открытого Общества (Фонд Сороса), предоставляющий образовательные гранты и стипендии.

Значительную роль по распространению американской «мягкой силы» на постсоветском пространстве играют так называемые ресурсные центры – отделы посольств и консульств, а также представительства образовательных обменных программ. Ресурсные центры позволяют активно поддерживать обратную связь с регионами и осуществлять эффективный обмен информацией.

Безусловно, воздействие американской системы образования глобально. И нынешнее изобилие проамериканских иностранных лидеров является результатом образования иностранных студентов, которое имело место десятилетия назад. Отметим, что бывший государственный секретарь Колин Пауэлл однажды сказал: «Я не могу думать о более ценном активе для нашей страны, чем

дружба будущих мировых лидеров, получивших здесь образование»¹⁷.

Китай

Как отмечают западные авторы, категория «мягкой силы» на сегодняшний день часто встречается в китайском политологическом дискурсе¹⁸, хотя до начала 2000-х гг. Китай практически не использовал инструментов «мягкой силы». В 1999 г. к руководству в Китае пришло (четвертое) поколение руководителей, которое сформулировала новую внешнеполитическую доктрину этой страны, связанную с отказом от статуса региональной державы. Новая стратегия Китая была ориентирована на получение статуса не региональной, а великой державы, которая должна сама формировать международную систему отношений, а не просто реагировать на происходящее в ней¹⁹. С этого момента концепция «мягкой силы» активно входит во внешнеполитический инструментарий КНР.

Примерно в этот же период в Китае происходят и серьезные изменения в системе образования. С 1995 г. в стране реализуется общенациональная программа «Проект 211». В соответствии с данной программой в «100 ключевых вузах качество обучения, научно-исследовательской работы и хозяйственной деятельности должны достичь самых высоких международных стандартов, а сами учебные заведения – войти в число ведущих вузов мира»²⁰. В 1999 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение ежегодно увеличивать число студентов вузов на 10%. Одновременно с этим значительно

¹⁷ Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

¹⁸ Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy, 2014. P. 10.

¹⁹ Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

²⁰ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Высшая школа КНР: успехи, проблемы, решения // Экономика образования. – 2009. – № 2. – С. 67. [Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Vy'sshaya shkola KNR: uspehi, problemy, resheniya (China Higher School: Successes, Problems, Solutions) // *Ekonomika obrazovaniya*, 2009, No. 2, p. 67.]

¹⁴ Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

¹⁵ What We Do. Mode of access: <https://www.aauw.org/what-we-do/>

¹⁶ What We Do. Mode of access: <https://www.gatesfoundation.org/What-We-Do>

выросло и количество высших учебных заведений: 1999 г. в стране насчитывалось в общей сложности 1942 вуза²¹. В том же 1999 г. в Китае начинает реализовываться и новая программа «Проект 985» по созданию в стране университетов мирового уровня.

В результате значительно повысился и образовательный уровень внутри самого Китая. Достаточно сказать, что «если в 1982 г. только 20% руководителей провинций Китая посещали учебные заведения уровня колледжа, то в 2002 году их было уже 98%..., две трети из них имели степени магистра или доктора философии»²².

Таким образом, к началу 2000-х гг. Китай выходит на новый уровень развития системы образования. Новые возможности и очевидные успехи в реформировании образования позволили КНР в рамках обновленной внешнеполитической стратегии в целом включить образование в перечень инструментов международной деятельности.

Как отмечает отечественный исследователь Д.М. Ковба, главной особенностью китайского понимания «мягкой силы» является ее культуроцентричная трактовка – «в противовес продвижению привлекательной политической идеологии и политических ценностей»²³. Причина этого кроется в том, что, с точки зрения Китая, бессмысленно противопоставлять гегемонии США иные идеологические нарративы в силу их очевидной слабости и низкой привлекательности по сравнению с идеями демократии и свободы²⁴. Это позволяет говорить о «различных

индивидуальных моделях «мягкой силы», применяемой Китаем и США»²⁵. В результате основным содержанием «мягкой силы» Китая стало культурно-гуманитарное сотрудничество без явной идеологической окраски. Другими словами, Китай не пытается при помощи «мягкой силы» продвигать свой политический проект (коммунистическую идеологию), а старается сформировать свой положительный имидж и привлекательность, декларируя принцип невмешательства во внутренние дела других государств.

Итак, одним из важных инструментов реализации политики «мягкой силы» на современном этапе для Китая является образование. Выделим ключевые элементы стратегии КНР в данном направлении и проанализируем их:

- развитие академической мобильности;
- предоставление грантов китайским и зарубежным студентам;
- реализация совместных образовательных программ;
- помощь в подготовке кадров различной квалификации;
- вхождение китайских вузов в мировые образовательные рейтинги;
- создание международных организаций, в том числе образовательной направленности;
- создание учебных заведений за рубежом (Институты Конфуция);
- помощь в строительстве учебных заведений за рубежом;
- техническое оснащение образовательных организаций за рубежом;

Безусловно, все перечисленные элементы реализуются Китаем не одновременно и не на всех геополитических направлениях. В первую очередь, КНР ориентируется

²¹ Машкина О.А. Профессиональное образование в КНР. – М., 2004. – С. 73. [Mashkina, O.A. Professional'noe obrazovanie v KNR (Professional Education in the PRC). Moscow, 2004. P. 73.]

²² Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

²³ Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf [Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoj nauke i praktike ("Soft power" in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf]

²⁴ См. подробнее: Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник

международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129. [Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnyye napravleniya i mekhanizmy politiki «myagkoy sily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of «Soft Power» of China) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.]

²⁵ Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

на стратегически важные для себя регионы, среди которых следует выделить Юго-Восточную и Центральную Азию, Африку, Россию, страны Латинской Америки.

КНР активно развивает программы студенческой мобильности, выделяя соответствующие финансовые средства. При этом студентам не только оплачивается обучение, но и предоставляются ежемесячные стипендии в размере 1200-2000 юаней (200-330 долларов) в зависимости от уровня обучения. Как отмечают специалисты, сегодня затраты Китая на мероприятия, связанные с развитием студенческой мобильности, составляют около 100 млн долл. в год. Кроме этого, Китай выделяет около 25 млн долл. в год на продвижение в мире образовательной программы «Изучая китайский в качестве иностранного»²⁶. Китайский исследователь Р. Янг указывает на тот факт, что «Китай сознательно содействует международному обмену и сотрудничеству в области образования. Действительно, Китай умело использует «мягкую силу» для расширения своего глобального влияния. Эффективная стратегия сочетания высшего образования с обращением к Конфуцианству – является явным преимуществом Китая»²⁷. Говоря о роли конфуцианства в китайской модели «мягкой силы», следует отметить, что официально о нем, как о ее компоненте, в своей статье заявил руководитель Отдела общественных связей Центрального Комитета КПК Лю Юньшань, сразу после семнадцатого съезда партии. Он подчеркнул, что политика «мягкой силы» Китая должна основываться на двух элементах: основных ценностях социализма и ценностях традиционной китайской культуры, в первую очередь, конфуцианства²⁸.

В феврале 2016 года Министерство образования Китая опубликовало новую директиву о том, как усилить патриотическое воспитание при помощи национальной системы образования. Ближе к концу документа директива предлагает создать сеть, объединяющую отечественных и иностранных студентов и специалистов для того, чтобы распространять знание о развитии «Родины», обозначив всех китайских студентов в качестве «народных послов»²⁹. Впрочем, следует подчеркнуть, что некоторые западные авторы, в том числе на основании социологических исследований³⁰, делают выводы о том, что подобное применение «мягкой силы» не всегда является эффективным, так как сами китайские студенты за рубежом также подвергаются определенному идеологическому влиянию. А. Бислев подчеркивает, что существующие исследования показывают, как «при определенных условиях образовательные программы по обмену студентами могут быть благоприятными в плане использования «мягкой силы». Однако, как показывает анализ деятельности китайских студентов, так происходит не всегда. Культурные и политические различия, предвзятое отношение к «другим», структурные барьеры в системе образования говорят о том, что... возможности здесь весьма ограничены»³¹. Кроме этого стоит отметить и такой важный фактор, как отсутствие контакта между китайскими студентами, обучающимися за границей и, собственно, китайскими органами власти. В данном случае, влияние на студентов оказывается на сегодняшний день лишь через

Legitimacy and International Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

²⁶ Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf [Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoj nauke i praktike ("Soft power" in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf]

²⁷ Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

²⁸ Sayama, O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism,

²⁹ Directive on How to Further Strengthen Patriotic Education in the Educational System from the Party Committee of the Central Ministry of Education. Mode of access: www.moe.edu.cn/srcsite/A13/s7061/201601/t201601_29_229131.html

³⁰ Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

³¹ Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

специальные директивные акты³², наподобие акта Министерства образования Китая 2016 г.

В результате развития программ академической мобильности уже к 2014 г. Китай стал третьим по величине глобальным учебным центром в мире, примерно с 8% долей иностранных студентов от общего числа, участвовавших на тот период в подобных программах, и сегодня в качестве национальной цели ставит себе задачу по привлечению 500000 иностранных студентов к 2020 году³³. Таким образом, Китай всячески демонстрирует, с одной стороны, доступность своего образования, а с другой – его высокое качество. Отметим, что в организационном плане крупнейшей китайской организацией, занимающейся организацией международных академических обменов и развитием сотрудничества в области образования, является «Китайская ассоциация по международному обмену в области образования», которая имеет свои филиалы во всех крупных городах страны³⁴.

В настоящее время в Китае создана и действует информационная онлайн-платформа *CUCAS (China's University And College Admission System)*³⁵, инициатором которой выступила «Китайская ассоциация по международному обмену в области образования». Данная система представляет из себя платформу для подачи заявлений в университеты и колледжи Китая иностранными студентами. Миссия системы звучит следующим образом: «Мы стремимся найти более быстрый, легкий и экономически эффективный способ для студентов,

поступающих в университеты Китая»³⁶. Платформа предоставляет выбор консультационных услуг: от выбора программы обучения до оформления необходимого пакета документов. Безусловно, подобного рода использование информационных технологий положительно сказывается на имидже китайской системы образования и Китая в целом.

Стремление к интернационализации образования выразилось и в том, что в последние годы Китай активно сотрудничает с зарубежными университетами и создает филиалы своих вузов за границей. В качестве примера здесь можно привести сотрудничество между университетом Цинхуа³⁷ и Вашингтонским университетом. Филиалы других китайских университетов были созданы и в других странах, включая кампус университета *Soochow* в Лаосе, филиал Сямыньского университета в Малайзии и совместную лабораторию, спонсируемую Чжэцзянским университетом и Имперским колледжем Лондона в Лондоне.

ЕС

В последнее время общественная дипломатия приобрела большую актуальность в стратегии и стратегических документах ЕС. В Программе, определяющей инструментарий партнерства для сотрудничества с третьими странами (*Partnership Instrument for Cooperation with Third Countries*), на период 2014-2020 гг. как минимум три раза упоминается термин «публичная дипломатия». Несмотря на то, что сам термин не получает расшифровки, тем не менее, из документа становится очевидно, что под ним подразумевается деятельность по распространению знаний и повышению уровня узнаваемости Евро-

³² Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

³³ Education and the Exercise of Soft Power in China. Mode of access: onit.icef.com/2016/01/education-and-the-exercise-of-soft-power-in-china/

³⁴ Образование в Китайской народной республике (Education in the People's Republic of China) // Жэньминь жибао онлайн. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/other/jiaoyu.html>

³⁵ Mode of access: <http://www.cucas.edu.cn/>

³⁶ Our Vision. Mode of access: <http://www.cucas.edu.cn/>

³⁷ В мировом рейтинге вузов *US News & World Report* в 2017 году Университет Цинхуа стал лучшим в сфере информатики и инженерии, обогнав таких признанных мировых лидеров, как Техасский университет (США), Наньянский технологический университет (Сингапур) и Массачусетский технологический институт (США).

пейского союза, продвижению его ценностей и интересов³⁸.

Прежде чем говорить об образовании как инструменте европейской «мягкой силы», полагаем, необходимо уточнить, как Европейский союз понимает сам этот термин, и какое содержание в него вкладывает. Как отмечает отечественный исследователь П.И. Касаткин, «особого внимания заслуживают европейские подходы к пониманию “мягкой силы”»³⁹.

И, действительно, для Европы характерно своего рода терминологическое отделение от американской авторской модели «мягкой силы», что связано с попытками собственных формулировок и трактовок «мягкой силы». Одной из наиболее известных из них на сегодняшний день является сформулированная Ф. Дюшеном концепция «гражданской силы». Идеи Ф. Дюшена, как отмечает Н.Н. Гудалов, «...точно отразили долгосрочный тренд снижения роли военной мощи и появления новых факторов влияния в мировой политике, наблюдаемый до сих пор»⁴⁰. Ф. Дюшен исходил из идеи, что Европа имеет все возможности стать «новым центром силы, в основе которого будут лежать не военные, а сугубо гражданские средства обеспечения ее влияния»⁴¹.

³⁸ Partnership Instrument. First Multi-Annual Indicative Programme for the Period 2014-2017 / Europa.eu. Mode of access: http://ec.europa.eu/dgs/fpi/documents/pi_mip_annex_en.pdf

³⁹ Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. – 2018. – № 1. – С. 28. [Kasatkin, P. I.; Ivkina, N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushhie «myagkoj sily» ES (Cultural and Educational Components of the EU “Soft Power”) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1, p. 28.]

⁴⁰ Гудалов Н.Н. Политика Европейского союза по разрешению палестино-израильского конфликта на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб. 2015. – С. 57. [Gudalov, N.N. Politika Evropejskogo soyuza po razresheniyu palestino-izrail'skogo konflikta na sovremennom etape (European Union Policy on Resolving the Palestinian-Israeli Conflict at the Present Stage). Dissertation. Saint Petersburg, 2015. P. 57.]

⁴¹ Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Таким образом, Европа уже в 1970-е гг. осознала потенциал «мягкой силы», при помощи которой она могла бы восстановить свои позиции на мировой арене. Но во второй половине XX столетия, в условиях холодной войны и отсутствия единых европейских протогосударственных структур и механизмов, подобные концепции могли носить сугубо теоретический характер. После же распада СССР и начала активного построения единого политического европейского пространства, нашедшего свое организационное оформление в рамках Европейского Союза, единая Европа вновь вернулась к идее использования «мягкой силы», но теперь уже для достижения своих исключительных интересов в условиях многополярного мира.

О.М. Хауер-Тюкаркина полагает, что для реализации потенциала «мягкой силы» у Европейского Союза есть множество различных «платформ». В качестве одной из них он определяет организационно-программную платформу, включающую в себя и образование: «Организационно-программная платформа – все целевые аудитории Образовательные и культурные программы *Leonardo Da Vinci, Erasmus, Sokrates*, Молодежь в действии и пр. *EUNIC (The European Union National Institutes for Culture)* – Объединение институтов культуры стран Европейского союза, осуществляющих образовательные программы за рубежом. Например, членом Объединения являются такие всемирно известные культурные организации как Институт имени Гете (Германия), Институт Сервантеса (Испания), Британский совет (Великобритания) и пр. Цель работы Объединения – продвижение европейских государств в третьих странах, популяризация европейских языков»⁴².

Следует отметить, что уже не первый год страны-члены ЕС постоянно наращивают

⁴² Хауер-Тюкаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология/Nota Bene. – 2015. – № 4 (5). – С. 371. [Hauer-Tyukarkina, O.M. Rol' «myagkoj sily» v usloviyax global'nogo e'konomicheskogo krizisa (na primere ES) // *Konfliktologiya/Nota Bene*, 2015, No. 4 (5), p. 371.]

«аудиовизуальное присутствие в мире, участвуют в разработке новых технологий коммуникации, продвигают свой язык и развивают сотрудничество в сфере образования. В сфере образования политика ЕС направлена на повышение конкурентоспособности Евросоюза», при этом «расширение Евросоюза и усиление глобализации спровоцировали интернационализацию системы образования... Были созданы организации и фонды, занимающиеся международным сотрудничеством для развития отношений в образовательной сфере. Это содействует улучшению качества образования, социальному сплочению и формированию гражданской позиции»⁴³.

Следует отметить, что уже на протяжении нескольких десятилетий Европейский Союз реализует ряд образовательных глобальных инициатив, которые являются эффективным инструментом «мягкой силы». Безусловно, важнейшей из них является «Эразмус», которая на сегодняшний день реализуется в формате «Эразмус+».

Во-первых, «Эразмус» сыграл важнейшую роль в процессе «европеизации» стран-членов Европейского союза⁴⁴. Программа «Эразмус» была основана в 1987 году. Первая программа была предложена в начале 1986 года, и инициатива получила неоднозначные реакции. Некоторые государства-члены были против программы мобильности⁴⁵. Говоря о полном образова-

тельном цикле, следует выделить следующие программы: «Эразмус» (1987-1995), «Сократ I – Эразмус» (1995-2000), «Сократ II – Эразмус» (2000-2007), Программа непрерывного образования (2007-2013) и «Эразмус+» (2013-2020).

«Мягкую силу» ЕС невозможно рассматривать, не обращаясь к анализу Болонского процесса. Как отмечает М.А. Чепурина, «Болонский процесс – инструмент публичной дипломатии, площадка, открывающая возможность и облегчающая студентам, исследователям и преподавателям стран-участниц использование возрастающей международной мобильности как для развития личного потенциала, так и для продвижения имиджа своей страны и ее образовательного пространства за рубежом»⁴⁶.

Болонский процесс нашел достаточное отражение в отечественной научной литературе, в первую очередь, по причине того, что в нем участвует и Россия. Очевидно, что при помощи Болонского процесса Европа в последние годы пытается не только реформировать национальные системы образования, перестраивая их в соответствии со своими представлениями, но и старается продвигать свои ценности, о чем прямо говорится в болонских документах. Но при этом данный процесс имеет и обратный эффект для Европейского союза. Как верно отмечает П.И. Касаткин, «Болонский процесс может помочь максимально использовать «мягкую власть» страны в тот момент, когда традиционные инструменты «твердой власти» не оправдывают себя в России, СНГ и по всему миру»⁴⁷. То есть, интеграция образования

⁴³ Ципановац В. Технологии публичной дипломатии Евросоюза // Фонд изучения исторической перспективы. 2017. Режим доступа: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr> [Cipanovacz, V. Tehnologii publichnoy diplomatii Evrosoyuza (Technologies of Public Diplomacy of the European Union) // Fond izucheniya istoricheskoy perspektivy, 2017. Mode of access: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tekhnologii-publichnoy-diplomatii-evr>]

⁴⁴ Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // Working Paper. Oslo: Arena, 2007.

⁴⁵ Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe’s Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

⁴⁶ Чепурина М.А. Мягкая сила в глобальной политике: болонские измерения // Вестник РУДН: Политология. – 2014. – № 1. – С. 100. [Chepurina, M.A. Myagkaya sila v global'noj politike: bolonskie izmereniya (Soft Power in Global Politics: the Bologna Dimensions) // *Vestnik RUDN: Politologiya*, 2014, № 1, p. 100.]

⁴⁷ Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4. – С. 70-77. [Kasatkin, P.I. Bolonskaya sistema obrazovaniya v kontekste politicheskogo razvitiya ES (Bologna Education System in the Context of EU Political Development) // *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, No. 4, pp. 70-77.]

может быть выгодна и странам, на которые направлен Болонский процесс. Кроме этого, следует учитывать и негативные издержки Болонского процесса, которые наблюдаются сегодня во многих европейских государствах⁴⁸.

Я. Зелонка полагает, что сегодня внешняя политика ЕС носит двойственный и даже парадоксальный характер: ЕС стремится стать мощным международным актором, не являясь при этом сверхдержавой⁴⁹. При этом крайне важно отметить, что несмотря на то, что ЕС переживает серьезные внутренние политические кризисы (например, недавнее заявление Великобритании о выходе из Союза), а также испытывает на себе все последствия мировых экономических кризисов, тем не менее, это никак не сказывается на европейском образовании и его статусе. Согласно всем рейтингам, в том числе таким авторитетным, как *Times Higher Education*, кризисы едва ли повлияли на позицию ЕС как самого передового игрока в части научно-технологического развития: так, например, Индекс высшего образования 2016 года включает сотни университетов стран-членов ЕС, в то время как университеты целевых для «мягкой силы» стран там практически отсутствуют. Например, в рейтинге присутствует только один сербский и два украинских университета, которые занимают места в диапазоне от 600 до 800⁵⁰.

На современном этапе ЕС активно использует образование в качестве инструмента «мягкой силы». При этом сфера влияния Европейского союза в данном контексте постоянно расширяется. Если еще в 1990-е гг. можно было говорить об образовательной «мягкой силе» ЕС лишь в рамках собственно Европы и в отношении бывших советских республик, то сегодня она распространяется на азиатский регион и страны Латин-

ской Америки. Пожалуй, единственным регионом, где ЕС сегодня не может в полной мере реализовать свою стратегию «мягкой силы» – это Северная Америка и, в частности, США. Причинами этого является традиционно сильное, сложившееся исторически со второй половины XX в. влияние США на саму Европу, а также сложность реализации подобной политики внутри Соединенных Штатов в принципе.

Выводы

Сравнивая политику «мягкой силы» Китая, США и ЕС в контексте использования ими образования, можно сделать следующие выводы.

Мы можем говорить о трех разных моделях, которые выявились в результате проведенного нами анализа. Первая из них, и самая ранняя по времени появления, возникла в США. Она представляет собой синтез между государственными организациями и некоммерческими организациями, которые совместно решают вопросы по продвижению американских интересов в мире. При этом частные образовательные организации используются государством, с правом получения значительной финансовой выгоды от реализации своих образовательных программ.

В ЕС использование «мягкой силы» представляет собой на сегодняшний день не вполне устоявшуюся модель. Основная проблема заключается в том, что существуют определенные противоречия между надъевропейским и национальным уровнями, которые не всегда совпадают в своих устремлениях. Если ЕС стремится к достижению общеевропейских целей, то отдельные его члены продолжают отстаивать свои собственные национальные интересы, в том числе используя для этого и национальные системы образования.

Китай позднее всех из рассмотренных нами акторов приступил к формированию своей модели политики «мягкой силы». Ее особенностью является сильный акцент на культурный национальный компонент, который соединяется с идеологической компонентой.

Две из проанализированных моделей – китайская и европейская – находятся сегодня

⁴⁸ Подробнее см.: The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

⁴⁹ Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // Yearbook of Polish European Studies, 1998, No. 2, pp. 25-42.

⁵⁰ Times Higher Education, 2016.

ня во многом в стадии развития. Но если ЕС уже не первый год успешно пытается использовать в качестве инструмента «мягкой силы» глобальные образовательные инициативы в формате международных программ академической мобильности, а также Болонский процесс, то Китай фокусируется на создании сетевой модели, создавая по всему миру образовательные центры, в первую очередь, Институты Конфуция.

Так или иначе, мы можем констатировать тот факт, что все крупные международные акторы и глобальные игроки на сегодняшний день в полной мере осознают важность образования как инструмента укрепления своих позиций в мире. И, на наш взгляд, в условиях формирования экономики знаний данная тенденция будет лишь усиливаться, что необходимо учитывать и Российской Федерации при формировании своего внешнеполитического курса.

Литература:

Гудалов Н.Н. Политика Европейского союза по разрешению палестино-израильского конфликта на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – СПб. 2015.

Касаткин П.И. Болонская система образования в контексте политического развития ЕС // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 4.

Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. – 2018. – № 1.

Ковба Д.М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf

Кузнецова В.В., Машикина О.А. Высшая школа КНР: успехи, проблемы, решения // Экономика образования. – 2009. – № 2.

Машикина О.А. Профессиональное образование в КНР. – М., 2004.

Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. № 2. – С. 95-129.

Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИгеосистем, 2012.

Усачева Э.И. «Мягкая сила» во внешней политике США на современном этапе. – М. 2016.

Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность: монография. – М.: РУДН, 2012.

Фролова О.А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3.

Хауер-Токаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология/Nota Bene. – 2015. – № 4 (5).

Ципановац В. Технологии публичной дипломатии Евросоюза // Фонд изучения исторической перспективы. 2017. Режим доступа: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tehnologii-publichnoy-diplomatii-evr>

Чепурина М.А. Мягкая сила в глобальной политике: болонские измерения // Вестник РУДН: Политология. – 2014. – № 1. – С. 100.

Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Cooper, R. KInternational Influx / Portfolio.com, 18 January 2010. Mode of access: <http://www.portfolio.com/businessnews/2010/01/18/american-colleges-and-universities-are-destination-of-choice-for-ambitious-international-students/index.html>

Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // Working Paper. Oslo: Arena, 2007.

Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

Mcgill, Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe's Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / *China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy*, 2014. P. 10.

Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

Sayama, O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism, Legitimacy and International

Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

Schultz, G. Diplomacy in the Information Age /Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // *Yearbook of Polish European Studies*, 1998, No. 2, pp. 25-42.

References:

Bislev, A. Student-to-Student Diplomacy: Chinese International Students as a Soft-Power Tool // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2017, No. 46 (2), p. 105.

Bu, L. Educational Exchange and Cultural Diplomacy in the Cold War // *Journal of American Studies*, 1999, Vol. 33, No. 3, Part 1: Women in America. Cambridge University Press. P. 393.

Bull, H. Civilian Power Europe: a Contradiction in Terms // *Journal of Common Market Studies*, 1982, Vol. 21, No. 1-2, p. 149.

Chepurina, M.A. Myagkaya sila v global'noj politike: bolonskie izmereniya (Soft Power in Global Politics: the Bologna Dimensions) // *Vestnik RUDN: Politologiya*, 2014, № 1.

Cipanovacz, V. Tehnologii publichnoj diplomatii Evrosoyuzu (Technologies of Public Diplomacy of the European Union) // *Fond izucheniya istoricheskoy perspektivy*, 2017. Mode of access: <http://evropazavtra.ru/competitions/proshedshie-konkursy/molodye-uchyonye-2017/spisok-rabot-uchastnikov-konkursa-2017/tehnologii-publichnoy-diplomatii-evr>

Cooper, R. International Influx / Portfolio.com, 18 January 2010. Mode of access: <http://www.portfolio.com/businessnews/2010/01/18/american-colleges-and-universities-are-destination-of-choice-for-ambitious-international-students/index.html>

Cooper, Ramo J. The Beijing Consensus. London, England: Foreign Policy Center, 2004. Pp. 19-20.

Egeberg, M.; Trondal, J. National Agencies in the European Administrative Space: Government Driven, Commission Driven or Networked? // Working Paper. Oslo: Arena, 2007.

Filimonov, G.Yu. Kul'turno-informacionny'e mexanizmy' vneshnej politiki SSHA. Istoki i novaya real'nost' (Cultural and Informational Mechanisms of US Foreign Policy. Origins and New Reality): monografiya. Moscow: RUDN, 2012.

Fish, E. Caught In A Crossfire: Chinese Students Abroad And The Battle For Their Hearts. Mode of access: <https://supchina.com/2018/01/18/caught-in-a-crossfire-chinese-students-abroad-and-the-battle-for-their-hearts/>

Frolova, O.A. «Myagkaya sila» vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti SSHA: institutny'e mexanizmy' formirovaniya ("Soft power" of US Foreign Policy: Institutions and Mechanisms of Formation) // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby' narodov. Seriya: Politologiya*, 2013, No. 3.

Goldstein, A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // *The China Quarterly*, 2001, No. 168, p. 836.

Gudalov, N.N. Politika Evropejskogo soyuzu po razresheniyu palestino-izrail'skogo konflikta na sovremennom etape (European Union Policy on Resolving the Palestinian-Israeli Conflict at the Present Stage). Dissertation. Saint Petersburg, 2015.

Hauer-Tyukarkina, O.M. Rol' «myagkoj sily» v usloviyax global'nogo e'konomicheskogo krizisa (na primere ES) // *Konfliktologiya/Nota Bene*, 2015, No. 4 (5).

Hong Natalie Yan. EU-China Education Diplomacy: An Effective Soft Power Strategy? // *European Foreign Affairs Review*, 2014, No. 19, pp. 155-172.

Kasatkin, P.I. Bolonskaya sistema obrazovaniya v kontekste politicheskogo razvitiya ES (Bologna Education System in the Context of EU Political Development) // *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, No. 4, pp. 70-77.

Kasatkin, P.I.; Ivkina, N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushhie «myagkoj sily» ES (Cultural and Educational Components of the EU "Soft Power") // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 1.

Kovba, D.M. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike ("Soft power" in Chinese Political Science and Practice). Mode of access: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf

Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. Vy'sshaya shkola KNR: uspehi, problemy', resheniya (China Higher School: Successes, Problems, Solutions) // *Ekonomika obrazovaniya*, 2009, No. 2.

Mashkina, O.A. Professional'noe obrazovanie v KNR (Professional Education in the PRC). Moscow, 2004.

Mcgill, Peterson P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // *International Higher Education*, 2014, No. 75, pp. 2-3.

Mihnevich, S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnyye napravleniya i mexanizmy politiki «myagkoj sily» Kitaya (Panda in the Service of the Dragon: the Main Directions and Mechanisms of the Policy of "Soft Power" of China) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2014, Vol. 9, No. 2, pp. 95-129.

Min-Hua Huang. Follow the Leader? Soft Power of China and the US Compared // *China's Rise: Assessing Views from East Asia and the United States*. 2013. P. 11.

Nye, J. Smart Power // *New Perspectives Quarterly*, 2009, Vol. 26, Iss. 2. P. 17.

Nye, J. Soft Power and Higher Education. P. 13. Mode of access: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf

Powell, C. Statement on International Education Week 2001. U.S. Department of State, November 2001. Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/rm/2001/4462.htm>

Reinalda, B.; Kulesza, E. The Bologna Process – Harmonizing Europe's Higher Education. Barbara Budrich Publishers. 1st edition. 2005. 248 p.

Rønning, H. How much Soft Power Does China Have in Africa? / *China and Africa Media, Communications and Public Diplomacy*, 2014. P. 10.

Savin, L. Education as a Tool of us Geopolitics. Mode of access: <http://katehon.com/article/education-tool-us-geopolitics>

Sayama, O. China's Approach to Soft Power. Seeking a Balance between Nationalism, Legitimacy and International Influence. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London, 2016. P. 5.

Schultz, G. Diplomacy in the Information Age /Paper presented at the Conference on Virtual Diplomacy, U.S. Institute of Peace. Washington, D.C., April 1, 1997. P. 9.

Smirnov, A.I.; Koptyulina, I.N. Global'naya bezopasnost' i «myagkaya sila 2.0»: vy'zovy i vozmozhnosti dlya Rossii (Global Security and Soft Power 2.0: Challenges and Opportunities for Russia). Moscow: VNIIGeosistem, 2012.

The Black Book of the Bologna Process. The National Unions of Students in Europe, 2005.

Usacheva, E.I. «Myagka sila» vo vneshnej politike SShA na sovremennom etape ("Soft Power" in US Foreign Policy at the Present Stage). Moscow. 2016.

Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*, 2007, Vol. 46, p. 24.

Zielonka, J. Paradoxes of European Foreign Policy. Policies Without Strategy: the EU's Record in Eastern Europe // *Yearbook of Polish European Studies*, 1998, No. 2, pp. 25-42.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

FACTOR OF EDUCATION IN SOFT POWER OF THE UNITED STATES, CHINA AND THE EU: A COMPARATIVE ANALYSIS

Ekaterina A. Antyukhova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 13.07.2018 <i>Accepted:</i> 15.01.2019	Abstract: "Soft power" has been an integral part of the foreign policy Arsenal of a number of States in recent decades. Including various tools, "soft power" as one of the most effective tools used to achieve the goals, includes education. Even during the cold war, the West and the Soviet Union actively used education to train personnel in third countries who fully share the values of one or another party. In a multipolar world, the situation has changed somewhat-now all the major States, as well as their associations, seek to use education as a means of influence and influence on their counterparts. The article considers and analyzes the mechanisms used by this actors in the implementation of the policy of «soft power» through education, using the example of the USA, China and the European Union. As the analysis carried out in the article showed, both the US, China and the EU are actively using education to achieve their foreign policy goals. At the same time, their educational policy directed from outside has significant differences. As a result, we can talk about three different models of using education as a tool of «soft power». Each of them has its own distinctive features associated primarily with the specific mechanisms of use of education, as well as the content of educational policy and its meaning and ideological content. Nevertheless, despite the serious differences, we can confidently say that all three of the subjects of international relations considered in the article use education very successfully, often achieving a positive effect for themselves in the regions of their national interests.
About the author: Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO University e-mail: e.antyukhova@gmail.com Key words: soft power; education; educational policy; USA; China; European Union; exchange programs; educational funds	

Для цитирования: Антюхова Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // *Сравнительная политика*. – 2019. №2 – С. 86-98.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018

For citation: Antyukhova, Ekaterina A. Faktor obrazovaniya v «myagkoy sile» SSHA, Kitaya i ES: sravnitel'nyy analiz (Factor of Education in Soft Power of the United States, China and the EU: A Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 86-98.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018